«ЗНАМЯ ЮНОСТИ»
г. Минск

А. Макаенку—пятьдесят лет

ЕСТЬ ТАКОЙ ТЕАТР...

НАДО ЛИ перечислять названия написанных им пьес, называть имена созданных им, вернее — выхваченных из жизни и художнически переосмысленных персонажей?.. Лучшие из них поистине всенародно известны.

География постановок его пьес, пожалуй, совпадает с географией театров нашей страны. Они, эти постановки, столь же полномочные и повсеместно уважаемые представители белорусской драматургии, как и постановки по пьесам Купалы, Крапивы. Белорусскую драматургию уже невозможно представить себе, например, без «Лявонихи на орбите», как и без купаловской «Павлинки» или «Кто смеется последний» Крапивы.

НЕТ, ОН НЕ СЛУЧАЙНО возник на драматургическом горизонте. Не случайно и не мгновенно. Была поначалу и пьеса «проходная», с температурой «тридцать шесть и шесть»—«На рассвете», поставленная Купаловским театром, поверившим в талант молодого драматурга. Разумеется, это не был творческий аванс: пьеса была вполне профессиональна и имела право быть поставленной, хотя и не стала событием. Но в том-то и заключается «неслучайность» творческой личности Андрея Макаенка, в том-то и заключается сила его таланта, что он обладает необходимым для подлинного творца качеством — уметь править свое, собою созданное, уметь увидеть свои нереализованные возможности, чтобы пойти дальше — реализовать понятое в жизни, познанное, превратить правду жизни в правду искусства.

И пьеса «Извините, пожалуйста» («Камни в печени») вполне доказала «неслучайность» драматургии Андрея Макаенка.

ТЕАТР МАКАЕНКА... Он есть, он существует. Он вторгается в нашу жизнь так, как и призваны вторгаться подлинные произведения искусства, обладающие необходимым признаком—способностью преобразовательного влияния на действительность. Ведь чем иным, как не этим признаком, проверяется подлинность творений искусства?..

Да, «Извините, пожалуйста» стала событием не только в жизни автора пьесы и в жизни поставивших пьесу театров. Она стала событием в жизни многих, кто способен воспринимать искусство. Как стала событием «Лявониха на орбите»...

А на днях начала свою сценическую жизнь пьеса Макаенка «Трибунал» в Витебском театре им. Я. Коласа.

Театр Макаенка прочными нитями связан с комедийными произведениями Купалы, Крапивы. Это следует понимать и в смысле развития драматургом традиций своих предшественников в драматургии. И еще—в смысле прочнейшей связи с прославленным театральным коллективом, каким является наш Купаловский театр. Именно этот театр—максимально активный, максимально верный истолкователь созданного Андреем Макаенком.

Трудно сказать, нашел ли где-либо в ином театре драматург такую актрису, например, как Галина Макарова, будто бы самой природой созданную для его — Макаенка пьесы... Примеры столь органического слияния задуманного драматургом и воплощенного актрисой, как в Лявонихе — Макаровой, не столь уж часты на сцене. Правда, в какой-то степени «повинен» в этом и сам Андрей Макаенок. Он написал роль для Галины Макаровой. Но не является «неповинной» в данном случае и Галина Макарова. В ней потенциально было заложено то, что смогло разбудить образ, зашевелившийся в драматурге, как зашевелившается в душе поэта поэтическое слово...

Идущее от современной народной жизни по разным каналам—в душе писателя, живущего жизнью народа, и в душе актрисы, живущей жизнью народа,—столкнулось, высекло ту самую искру, которую способно вызвать к горению только подлинно народное искусство. Рожденное жизнью народа и близкое народу. Искру, от соприкосновения со зрителем вспыхивающую еще ярче.

Триединство — драматург, театр, зритель — в данном случае является классическим. В этом триединстве рождается хрестоматийный пример в лучшем смысле этого слова. Пример смысла существования театра. Пример смысла существования искусства. И разве усомнится кто-нибудь, что такую торжественную оценку творчества вполне заслужили и драматург, и театр, в котором работает такая актриса.

Если собрать написанное о Макаенке в прессе, в специальных исследованиях о театре,—получится внушительный труд. Читая этот труд, мы убедились бы, что идет в нем речь не столько о театре, не столько об искусстве самом по себе, сколько о жизни. Разве это не показатель активности вторжения искусства в жизнь?.. Искусства простого и естественного, как дыхание...

Фото Ю. ИВАНОВА.

БЫЛО ТАК, что он сказал: об одних людях песни слагают, другим — скульпторы бюсты из мрамора высекают, но... хватает и третьих—тех, кто в комедию просится. И другой «жилплощади» этим третьим не положено. Он подчеркнул, что рядом с истинно героическим, славным, прекрасным столько еще такого, что достойно и злой сатиры, и добродушного юмора. И поэтому ему порой хочется написать героическую драму или трагедию, а может быть, даже нечто романтическое... Но... «комедия — тоже штука неплохая». Ее любит зритель, в особенности, если смех и юмор дружат с гражданским пафосом, с серьезной думой о народе...

Он говорил об этом лет пять назад. Но разве не мог бы он повторить это и сегодня?.. Наверное, Андрей Макаенок все еще мечтает написать героическую драму или трагедию или нечто романтическое... И—по-прежнему, увидев в жизни то, что вызывает гнев, возмущение, злость,—мстительно берет в руки отточенное перо комедиографа, переплавляя гнев и возмущение—в смех. Потому что смех, на его взгляд, высшая кара для отвратительных типов и явлений.

И тогда снова появляется комедия, ожидаемая нами долго-долго.

— ПИШУ медленно.. Больше думаю. Подумаю-подумаю — и немного напишу... А назавтра перечитаю — и перечеркну...

За годы, в которые иные драматурги написали, издали, поставили уже полное собрание сочинений, Андрей Егорович Макаенок написал менее десятка пьес. Казалось бы, совсем немного. Но...

Они «оживают» на наших глазах. Они становятся нашим душевным багажом. Они начинают и продолжают свой путь в народ, в народную жизнь, откуда пришли. Но—уходят, обогащенные мыслями, сердцем, мастерством писателя-гражданина... Драматурга-гражданина... Комедиографа-гражданина... Смех Макаенка — это гражданский смех. Смех во имя добра. Смех во имя человека.

И—не будет преувеличением отметить—смех Андрея Макаенка по-своему неповторим в той энциклопедии смеха, какой является не только отечественная комедиография.

Потому и трудно пишется. Потому и медленно... Потому и перечитывается — перечеркивается... Но зато уж то, что прошло придирчивый авторский самоконтроль, зато не перечеркнутое — это уже искусство, жизнеспособное, действенное, преобразующее.

Живой язык, меткие шутки, неповторимо индивидуальные характеры во всей их сложности и во всем разнообразии он находит на белорусской земле. Он драматург поистине национальный. Но не этнографически национальный. В его комедиях—проблемы, волнующие не только белорусского зрителя. Путь его драматургии—через национальное — в интернациональное.

ОН НЕОХОТНО говорит о своей творческой работе.

— Комедия?.. Поглядим: если будет зритель смеяться — значит получилась комедия...

Но порой, если заденет вопрос какую-то заветную струну в нем, тогда он вдруг раскрывается — искренне, широко, сердечно. Тогда услышишь от него, как работал секретарем райкома комсомола в Гродно, как писал такие необходимые для комсомольской самодеятельности пьесы. Его одноактовки ставили, играли. Он рассказывает, как послал однажды одноактовку в Минск на конкурс и... забыл. Вдруг — телеграмма: «В связи премией необходимо личное присутствие»!..

Он рассказывает все это с изрядной долей иронии по отношению к себе. А ты в это время еще раз задумываешься — вот где они, корни его театра. Они — в жизни. В современной жизни. В ее проблематике, насущной, требующей решения. И можно смело сказать—у Макаенка нет пьесы, в которой он не поднимал бы проблему.

О его театре можно говорить много. Об умении осудить бюрократа и подлеца. Об таланте найти для того или иного комедийного типа неповторимо индивидуальные краски. О мастерстве языковых характеристик. О подлинной партийности его творчества. Об активности гражданской авторской позиции—нет, он не утаивает в своих комедиях своих симпатий и антипатий. О глубоком знании современной жизни во всех ее аспектах и разрезах.

Но важнее подчеркнуть: он всегда помнит слова Маркса—«Люди, смеясь, расстаются с прошлым». И со всей страстностью бойца-коммуниста он подчиняет оружие смеха тому, чтобы мы в нашем обществе, смеясь, расставались с тем, что мешает нам на пути к будущему.

С творчеством Макаенка связаны творческие судьбы многих деятелей нашей белорусской советской культуры. И не только белорусской. Его комедии завоевали и зарубежную сцену.

Его комедии, их творческие судьбы связаны с разными творческими судьбами. Но всегда в первую очередь—с коллективом купаловцев.

И ВОТ Андрею Макаенку—пятьдесят. Самое лучшее, самое сердечное, что могут ему пожелать те, для кого его творчество—праздник, это чтобы ему трудно писалось, как прежде. Чтобы новые пьесы были столь же активны, как все лучшее, созданное им.

Л. БРАНДОБОВСКАЯ.